

Блок относил начало своей творческой деятельности к 1898 г. В это время (1898-1904 гг.) лирический кружок поэта еще крайне узок. Итиминой любовной теме в «Стихах о Прекрасной Даме» придавала внешняя значительность, реальность переживания в них зашифрованы, переведены на язык туманных, мистических намеков. Наброски комментария, который Блок под конец жизни хотел дать к «Стихам о Прекрасной Даме», позволяют с достаточной ясностью уловить этот перевод...

Пять изгибов сокровенных
Добрых линий на земле.
К ним причастные во мне
Пять степеней вдохновенных.
Был, рожденные вдали,
Мне, смеянному, причастны
Крем дальный и прекрасным
Переполненной землей.

Вряд ли можно уловить смысл этого стихотворения. Очевиден лишь его общий пафос, его мистическая напряженность, составляющая читателя ощущение таинственности мира. А на самом деле за этой туманной оболочкой скрыты житейские мелочи, о которых, может быть, и не стоило говорить: «Я встретил, — пишет Блок, — Любовь Дмитриевну на Васильевском Острове, (куда я ходил покупать такси, названную скоро крабом). Она вышла из саней на Андреевской площади и шла на курсы по 6 линии. Среднему (прощекоту) — до 10 линии, (я же, немалочисленный Бю, следовал позадку тут вытиска фотографии близко от Среднего пр.). Отсюда появились «пять изгибов...»

Понятно, конечно, что при всей узости и ограниченности переживания Блока и его раннее творчество оставалось поэзией, в которой порой с большой силой проявлялись яркие и полные чувства. Но в основном период «Стихов о Прекрасной Даме» сохранял для нас лишь документальное значение, как воспринятое уже ушедших общественных (не только Блоку приехавших) настроений конца 90-х и начала 1900-х гг. В то же время первый этап поэтического развития Блока характерен еще и тем, что отчетливо показывает, откуда начался Блок, что приходило к нему в голову, прежде чем он стал одним из самых замечательных и самых дорогих нам поэтов прошлого.

Ранний Блок жил в мире блин, во всем любовно и мечтой о мистической тайне — о Прекрасной Даме. Понадобилось несколько лет, чтобы он опутал, что мир населял, чтобы он заметил его обитателей. В 1903 г. он пишет стихотворение «Фабрика» — о рабочих, идущих по пути на завод. Это стихотворение было свидетельством наступившего перелома, было началом совершенно новых поисков. Удивившись Блоку на широкий путь поднятого, большого творчества. Решающую роль здесь сыграли события 1904—1905 гг., особенно сильно повлиявшие на Блока (он сам говорит об этом в своей автобиографии).

Первая русская революция определила переход Блока от абстрактного и пассивного романтизма ранних лет его творчества к романтизму активному, протестующему, в самой жизни черпавшему свой материал. «Подлинный романтизм», — писал Блок, — не был отрешением от жизни. Он был, наоборот, пренасыщен жаждой стремления к жизни. Поэзия понимается Блоком, как служение народу: «Только то, что было непевом писателя, только то создание, в котором он сжег себя до дна, — для того ли, чтобы родиться для

новых созданий, или для того, чтобы умереть, — только оно может стать великим. Если эта сожженная душа... огромная, — она волнует не одно поколение, не один народ и не одно столетие. Если она и не велика, то рано или поздно ли, она должна возлюбить по крайней мере своих современников, даже не искусством, а только искренностью самопожертвования... Правда никогда не забывается, она существованию нужна... Напротив, все, что пахнет дождем или хотя бы только неискренностью, что сказано не совсем от души, что отдалено «холодными словами», — мы отвергаем, и опыты такое неподкупное и величавое принятие или отвержение характеризует особенно русского читателя». И Блок приходил к отчетливому выводу: «Гений прежде всего — народен».

Поэтическое развитие Блока и было все более и более глубоким воплощением этих замечательных мыслей, сохраняющих свое значение и для современного поэта.

Сложнейший комплекс поэтического тем Блока, исключительное творческое чувство нарастающего общественного кризиса, тяготение к народу и отстраненность от него, ощущение своего одиночества в то же время ответственности художника, «ли отстранение от жизни и в ней безумная любовь», — все это в своей основе сводилось к одному решающему и определяющему все творчество Блока чувству — чувству любви к человеку и родине. Не случайно в годы, когда реакционная критика начала ожесточенную травлю Горького, Блок выступил со статьей, в которой писал: «Я утверждаю, что если и есть реальное понятие «Россия», или даже — Русь — помимо территории, государственной власти, государственной церкви, сословий и пр. т. е. если есть это великое, необозримое, просторное, тоскливое и обетованное, что мы привыкли объединять под именем Руси, — то выразителем его приходится считать в громадной степени — Горького... по роковой силе своего таланта, по крови, по благодарному стремлению, по «бесконечности идеала»... и по масштабу своей душевной муки — Горький — русский писатель». В этом определении была для Блока высшая похвала.

Именно человечность лирики Блока определяет прежде всего значение его как художника, живущего с нами, в наши дни. Выглядела художника всегда приковано к человеку: благодарный облик человека — мечта всякого большого художника, страдания, на которые человек обречен в буржуазном обществе, — трагедия художника. Но эта основная тема искусства решается каждым художником по-своему, в его исторических условиях, в его жизненном опыте, в его идейном освещении. В эпоху кризиса буржуазного общества эта трагедия художника принимала самые мучительные формы. Но в то же время мечта о свободном человеке впервые в истории человечества получила реальные возможности осуществления.

Драма Блока — человека и поэта — состояла в том, что он видел страдания людей, чувствовал, что настало решающее время человеческой истории, и в то же время крайне смутно ощущал тот путь, на котором жившая в нем мечта о счастливом человеке могла бы превратиться в реальность. Поэтому у Блока тема человека осталась, главным образом, темой страдающего человека. За гримасой отчаяния и страдания, искажающей лицо человека, изображаемого Блоком, мы угадываем его подлинное благородное сердце, и это-то нас потрясает.

Не тався я перед вами!
Посмотрите на меня:
Я стою среди пожаров,

АЛЕКСАНДР БЛОК
К 60-летию со дня рождения
Обожженный языками
Преспопленного огня.

В Блоке было слишком много творческих сил, чтобы он мог ограничиться лишь изображением гибели человека. Он восстал против страшного мира, который губит человека. Отсюда вытекает сатирическая тема лирики Блока («Больные мысли», «Возмездие», отчасти «Двенадцать»), которая впитывала подвохила Блока к теме революции.

Презренные созревает гневом.
А зрелость гнева есть мятеж.

В своем стихотворении «Да, так диктует вдохновение» Блок говорил о том, что его свободная мечта

Все льнет туда, где ужаснее,
Где грязь, и мрак, и нищета
и кончал призывом:

Открой скорей, открой глаза,
Пока великая гроза
Все не смела в твоей отчизне.

Так, начав с изображения узкого лирического мира, влюбков мистических зашифрованных, Блок пришел к основным темам эпохи.

Не случайно он занес в 1913 г. в свой дневник следующую запись: «Пора развязать руки, я больше не школьник. Никаких символизмов больше. Один отвечаю за себя — и могу еще быть моложе молодых поэтов». И Блок был глубоко прав: уже к этому времени он настолько далеко ушел от тем и образов ранних лет, что о символизме его почти ничего не связывало.

Работы по литературоведению

Коллектив профессоров, доцентов и преподавателей литературного факультета Московского института истории, философии и литературы им. Чернышевского работает сейчас над созданием новых литературоведческих книг. Так, по кафедре истории русской литературы проф. Н. Гудин работает над исследованием о русских летописях. Творчество Лермонтова и Пушкина — темы работ проф. Д. Власова. Исследование о поэзии революционной демократии готовит проф. А. Болдин. Он вместе с проф. Глазовым руководит составлением учебника по истории русской литературы XIX века.

Ряд интересных литературоведческих работ готовит кафедра истории литературы народов СССР. Доцент Е. Ковальчик руководит бригадой, работающей над те-

ма революции неразрывно слита была в творчестве Блока с темой родины:

О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?

Пик стихов Блока о России завершился «Новой Америкой» — мечтой о будущей, возрожденной России. «Будущая Россия», — записал Блок в 1915 г., — лежит в ее еще тронутых силах народных масс и подземных богатств... Россия явно уже требует не чиновников, а граждан; а ближайшее будущее России требует граждан-техников и граждан-инженеров... а какое великое возрождение, т. е. славя всех сил, нам предстоит... мы скоро увидим». Это замечательное предвидение лучше всего показывает, в каком направлении развивался Блок.

Поэтому-то с таким необычайным подъемом пишет Блок после Октября свою поэму «Двенадцать». Заключившая поэму, он записал 29 января 1918 г.: «Страшный шум, возрастающий во мне и вокруг, этот шум слышал Гоголь... Сегодня я гений».

Следует вспомнить, что для Блока гений прежде всего народен. Создавая свою поэму, Блок ощутил народность своего создания, т. е. был уверен в революционности его. Но революционность Блока была сильна лишь своим отрицанием.

Поэтому Блоку было так трудно понять и уловить соединяющую силу революции. Поэтому-то и в поэме по главе красногвардейцев оказывается Христос. Блока самого мучил этот образ: «Страшная мысль этих дней, — записывает он в дневнике 20 февраля 1918 г., — не в том, что, как красногвардейцы «недостойны». Иисуса, который идет с ними сейчас; а в том, что именно Он идет с ними, а надо, чтобы шел Другой».

Нужно было найти силы для нового огромного творческого напряжения, для того, чтобы слить романтический пафос с бурной работой революции. Но смерть не дала Блоку времени для этого.

«Сожженная душа» Блока волнует нас теперь, ибо мы видим в ней ту правду творчества, к которой неустанно шел он художником. Конфликт Блока с жизнью был глубоко трагичен, но не несомнительным. Гибель человека всегда трагична, но она может быть и оптимистична, если он погиб на пути преодоления того, о чем он боролся, или в его смерти — залог победы тех, кто шел за ним, если он в своей гибели обнаружил возмущающее других величие человеческого духа.

Вот это величие человеческого духа, сохраненное Блоком, и обмывает его творчество с нашим временем. Хотя основной тон его поэзии — это тон страдания и иногда даже отчаяния, но гибель человека не заставляла от Блока возможности его спасения и освобождения, но отчаяние не уводило поэта от мысли о сопротивлении, о борьбе, о сокрушении ненавистного ему старого мира. И для нас в творчестве Блока живет его ненависть к прошлому, его романтическая устремленность и вера в человека, его высокая человечность, которую он выразил с огромным поэтическим мастерством.

Около 20 литературоведческих работ подготавливает академик, профессор и доцент кафедры истории всеобщей литературы классической филологии В. Володина. Упомянем здесь в первую очередь труды по истории мировой литературы, испанский гуманизм и роман XVI века, западноукраинская литература, история римской и греческой литературы, мифологический словарь, фольклор народов СССР и славянский фольклор.

В. ВОЛИНА

ТБИЛИСИ. (Наш корр.). В феврале будущего года исполняется двадцать лет Грузинской Советской Социалистической Республики. Писатели Грузии готовятся достойно встретить эту историческую дату в жизни родного народа. Многие из них работают над новыми произведениями.

Ражден Гветадзе пишет поэму «Хамин Омидра» — о революционной работе товарища Сталина среди батумских рабочих. Георгий Леонидзе готовит новую книгу стихов «Родина» и продолжает работу над поэмой «Юность вождя», являющейся второй частью трилогии.

Книгу лирических стихов подготавливает Симон Чиковани. В эту книгу войдут стихи: «Ночи вдохновения», «Герой Советского Союза» и «Жизнь Важа Пшавелы». Книга истории пацана и др. Автор романа «Блуды Битва» Лео Кларчелли пишет большую повесть, а также киноповесть о жизни и революционной деятельности молодого Сталина. Над историческим романом «Давид-Строитель» работает Константин Гамцагурия.

Галантон Габидзе и Алио Мампашвили готовят книги лирических стихов о новой жизни свободного грузинского народа.

Л. АСАТИАНИ.

Литературный Ярославль

В Ярославле происходило областное совещание писателей. На собрании присутствовало 40 человек, в том числе 18 товарищей из районов области. Собрание с большим вниманием заслушало доклад секретаря обкома ВКП(б) Т. Смирнова о коммунистическом воспитании трудящихся и задачах советской литературы, доклад руководителя литературного объединения Г. В. Смирнова о работе бюро объединения и докладом доцента Ярославского педагогического института т. Пархоменко о прозаических и поэтических произведениях ярославских писателей.

Доклады и прения по ним показали, что литературная организация Ярославской области за последние два года значительно выросла и творчески окрепла. Издано много произведений ярославских писателей. За это время появились новые писатели: поэты Михайлов, Шувалов, Старинов, Курбатов, прозаики Зацев, Румянцев.

О больших резервах и возможности дальнейшего роста ярославской литературной организации говорит и только что закончившийся областной литературный конкурс. На него поступило 152 рукописи, в числе которых были повести, рассказы, стихотворения, поэмы, сказки.

Выступавшие в прениях писатели кр-

Восстание думских крестьян под руководством большинства партии против меньшевистских лакеев империализма — тема поэмы Ило Мосавили.

Демна Шенгелая заканчивает роман «Вдохновение» — из жизни советской интеллигенции Грузии. Новые социалистические село, новые люди, новые формы труда и социальные отношения находят свое отражение во второй части романа «Империя», которую заканчивает К. Лордшавиладзе. Ал. Кутуадзе занят работой над третьей, заключительной частью романа-трилогии «Литом к лицу», где отражена жизнь Грузии в эпоху меньшевистского господства. Я. Лисавили работает над романом из жизни Лало Кетхвели.

Над новыми произведениями работают драматурги Грузии. Павла Дадлиани недавно закончил новую пьесу «Пулукидзе». Тема пьесы — жизнь и революционная деятельность соратника молодого Сталина — Ал. Пулукидзе. Юмедила пьесу П. Кабадзе, С. Кидашвили и И. Вакели.

Л. АСАТИАНИ.

Вечер памяти А. Мицкевича

Совы советских писателей СССР отметили 85-ю годовщину со дня смерти великого польского поэта Адама Мицкевича торжественным вечером в Колонном зале Дома союзов.

В прездииуме — Вацла Васьковская, Янка Кутяла, А. Фадеев, В. Вересаев, В. Катаев, П. Павленко, М. Баян, Феликс Кон, Г. Леонидов, А. Твардовский, Е. Успенский, Л. Леонидов, В. Вишневский, Ф. Панферов, С. Мамед Вурган, А. Караваев, М. Пяляковский и другие.

Вечер открывается краткой речью А. Фадеева. — Мы чтим сегодня память великого польского писателя, воплощенного в своем творчестве гордый дух своего народа. Поэзия Мицкевича в течение десятилетий искажалась и коверкалась всеческими «культурными» прихлебателями польской буржуазии, а сам он, поэт-революционер, подвергался гонениям и ссылкам. Буржуазные жетловководители Мицкевича сделали все возможное для того, чтобы его бессмертная поэзия осталась неизвестной народу. С большим трудом через искусственные преграды пробиваясь, проникла она к передовым людям всех стран. Только в стране социализма — истинной наследнице и продолжательнице величайших освободительных идей и культурных ценностей человечества — преклонное творчество Адама Мицкевича стало достоянием всех народов СССР.

После торжественной части состоялся концерт, на котором были исполнены произведения Мицкевича и музыкальные произведения на слова поэта. Е. П.

Несгорающий костер

Огромная бескрайняя равнина. Глухая гора, вытравившая в себя без ответа мажущую огнишку, мелкую вилку где бы то ни было, как пустыня вытравивает капелюх трудно накопленной росы.

И в этом черно-бархатном фоне — фигура, легкая и гордая с северным холодным лицом, с правильной формой головы, покоящаяся на колонной шее, как бы срезанной белым блеском прирожденного отголоска воротника, с расправленным, точно от ужасного видения, плащом.

Это тот, чьи стихи — вооруженное, ходило в жизнь наше поколение десятилетиями.

Чем привлекал он нас, чем завораживал, что заставлял любить, к чему относился с пренерением?

Чему учил, что ставил в пример, что прививал молодому сознанию?

Блока еще тогда критика пыталась окarakterизовать как мистика-символиста, млеяла на него ярлычки с дешевыми оценками, пропорциональными ее собственному умственному кружору. Но мода уже ушла остро отличать фразу от подлинной оценки, фальшь от неподкупной правды. Она, эта мода, была, сразу полюбила Блока совсем не за то, что в нем отличала критика. Поколение, только что пережившее 1905 год, не очень-то считало со всяческой догматикой и чопорной чепухой. Поколение, просто услышавшее давно неслышанный чистый человеческий голос, полный бурных страстей, великой любви, огневого гнева ко всему мертвому, лишнему, условному, пустому.

Май жестокий о белыми ногами!
Вечный стук в ворота: выходи!
Голубая дымка за плечами!
Неизвестность, габель впереди!

Хорошо в лугу широким кругом
В хороше пламенном пройтись,
Пить вино, смеяться с милым другом
И венки узорные плести,
Раздирать цветы чужим подругам,
Страсть, грусть, счастье и злоба,
— Не достойней за тяжким плугом
В свежих росах поутру ити!

Это писалось в 1909 году — одним из первых и разочаровавших той части русской интеллигенции, которая считала себя делавшей погоду в России. И утверждение жизни Блоком тогда звучало новое не в тон всем таким законодателям жучусов. Две последние строчки о тяжести плуга говорили не благонамеренно здравоуительно, а как-то трезвее болро о жизни. Именно потому, быть может, что эти строчки были подожжены не логическим рассуждением о пользе труда, а наравдо оборот, они были чувственным выводом из всего перечисления разнообразных на-

уже были оставлены им. Прекрасная Дамы, смутный и неясный облик католической малодной, смешанный с пушкинским «Бедным рыцарем», превращался, при ближайшем сопоставлении с жизнью, в резкие черты «Незнакомки». И именно этот образ создал славу молодому Блоку. Это — образ молодой женщины, обреченной на поругание пошлякам. Это — образ жизни, ее светлости и молодости, захваченных руками «испытанных острок» и пылящих с глазами крокодил; он принимает теперь у Блока не молниеносно заоблачный, а трагический, мучительный облик. Теперь это не только любовные страсти. Это больше, чем обычно, боль, это страшнейшая, чем привычно, страсть, — боль и страсть за жизнь, за плещиваную и изнасилованную там, где:

Над озером скрипят уткиныи,
И ралласть женский визг.
А в небе, ко всему пручинный,
Бессмысленно кривится диск.

Протест вот против этой «пручинности» ко всему, против слежалости наших человеческих привычек, отношений, зависимостей, против быта, установившегося при том государственном строе, который в конечном счете был так ненавидим Блоком, — действовал на нас сильнее, чем мог учесть это сам государственный строй.

Все б тебе желать веселья,
Сердце, золото мое!
От похмелья до похмелья.
От приволья вновь к приволью —
Бесцельное жатие!

Но никак земная келья,
Видно золото твое!
В час разгульного веселья
Вдруг намахет страстной болью,
Черным крыльем воронье!

Воронье, летящее на мертвечину, вот что закрывает первоначальное светлое ощущение жизни у Блока. Мотив воронья, закрывающего «май жестокий с белыми ногами», вырастает у Блока вместе с страстным интересом его к жизни. И женщина превращается в родину, в поруганную родину, в Россию. На нее летит воронье, он хочет зашигнуть и отстоять Блок. То, что бесмертен лишь народ, — это то, что начинает зашевелиться в своих «Стихах о России».

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам асен долгий путь!
Русь моя, жизнь моя, вместе ли нам
Маяться?

Это обращение к своей стране, к своей земле, как к единственной любимой, становится особенно острым и реальным у Блока в 1914 году. И такие стихи, как «Петраградское небо мутилось дождем», «Коршун», «Рожденные в года глухие»,

навегда останутся в памяти народа как свидетельство полной ответственности ему Александра Блока.

И совсем по-новому начинает ощущать он свою страну. Его глаза расширены уже не страхом, а нежностью и верой в будущее этой страны.

Правдник радостный, правдник великий,
Да звезда из-за туч не видна...
Ты стоишь под метелью дикой,
Роковая, родная страна.

Путь стеной — без конца, без исхода,
Стель да ветер, да ветер, и — вдруг
Многоразный корпус авида,
Города на рабочих лачуг...

На пустынном просторе, на ликом
Ты устань та, что была, и не та,
Новым ты обернулась мне ликом,
И другая волнует мечта...

Черный уголь — подземный мессия,
Черный уголь — здесь царь и жених,
Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных несет твоих!

Этот по-новому увиденный Блоком облик страны становится ему острее путеводной звездой. Поэма «Возмездие» по замыслу должна была отразить превращение страны дикой, отсталой в страну будущего. Но для этого у Блока еще не было реальной опоры. Поэма осталась незаконченной.

Зато с какой силой воображения были написаны «Скифы», вещь, до сей поры оставшаяся без соответствующей оценки. «Двенадцать», написанные в то же время, заслонили «Скифов», расцениваясь более высоко. «Скифы» были восприняты как какое-то возвращение к славянофильству. Между тем, опять здесь было дело не в ярлычке. Блок чувствовал огромную мощь России, ее великую роль в балансе мировых дел. Эта роль тогда, в 1913 году, не всеми ощущалась в полном объеме. Вот всей силой своего поэтического чувства Александр Блок дал такой порыв событий, который казался бы совершенно противоречивым тогдашнему поколению вещей. Он берет тему в то время совершенно неблагодарную — тему о занятии России в судьбах мира. Кажется бы — что толку было начинать тогда разговор об этом. Но несмотря на эти строчки, написанные с таким гневом и силой убеждения в 1918 году, как если бы ему были известны события 1940 года. Силой любви к своей стране, силой оценки ее внутренней мощи за двадцать с лишним лет бросает он вперед свои строчки:

Вот крош настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И лень придет — не будет и следа
От валих Нестумов, быть может!

Придите к нам! От ужасов войны
Придите к нам! Мирные объятия!
Пока не поздно — старый меч
... в ножны,

Товарищ! Мы стоим — братья,
А если нет, — ...
...
То:
...сами мы — отныне вам не шут,

Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.
...
В последний раз — опомнись, старый мир!

На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый
Братский пир
Съезжает варварская лира!

Стоило перевести эти стихи на все возможные языки мира, чтобы предупредить людей, чтобы дать им понять, как прекрасен, разумен и человечен был звук этой «варварской лиры», обращенный к «культурному человечеству». Этот звук, питавшийся предократив «больное» появившееся потомство» от «ужасов войны», переживаемых теперь миром.

Блок учил нас задолго предусматривать события. Блок учил нас ясности временных горизонтов. Не мистическим туманом обволакивал он наше сознание. Конечно, и на его прекрасных чертах лежала котлетная отгнившая лямка старого кино, и в его творчестве вливались яды усталости и растерянности. Но благодаря все-таки им было завоевано, главное в том, что народ делавший бессмертным и бесмертен поэт, оставшийся в одном лагере с ним, какие бы бытовые привычки вы отащали его творчество. И если Маяковский писал, что у Блока не было дальше дороги, то это высказывание необходимо дополнить тем соображением, что Блок не повернул назад. И сам Маяковский, по-новому перестроив русский стих, все же воспринял от Блока многое, без чего не закончены были бы стройность и сложность собственного поэтического облика Маяковского.

И только —
...боль моя острее:
...
Стою,
огнем облит
На несгорающем костре
Немыслимой
любви.

Вот этот несгорающий костер был важен Александром Александровичем Блоком, открывшим нам путь к жизни, вооружившим нас прочным оружием гнева и надежды к прошлому, точным оружием любви и страсти к будущему, оружием молодеческому человечеству.

На обжудении книг о В. В. Маяковском

М. Чарный

В третий день дискуссии по поводу книги о Маяковском выступил В. Шкловский. Он обвинил т. Чарного в недостаточном знании истории русской литературы, в нежелании серьезно овладеть этим знанием.

— То, что вы считаете серьезным критиком, — говорит т. Шкловский, — не освобождает вас от необходимости работать. Нам больше всего не хватает теоретической работы над формой. Мы не умеем научно проанализировать отдельные течения в литературе. Формальное все еще не опровергнуто марксистской теорией. Отсутствие сколько-нибудь серьезной теоретической работы о форме, которую, кстати, приводит к путанице в литературных спорах, которые к тому же ведутся на высшем уровне.

В. Шкловский говорит далее об ответственности писателей за состояние советской литературы в целом.

— У нас нет, — утверждает он, — общелитературного хозяйства. Почему на дискуссии выступают так мало критиков? Где они? Беда в том, что они находятся на литературных отрубках. У нас хватает иногда понимания творчества отдельного писателя, мы находим темперамент для его критики, но это еще не значит умение отвечать за литературу в целом. В «Литературной учебе» сидят люди, говорящие от собственной сороки, и мы это терпим. Горький хотел создать литературный институт на практической литературной работе, а у нас получился все-таки теория вместо зеленого дерева жизни.

Третий день дискуссии закончился выступлением т. А. Бромберга, говорившего об эволюции творческого метода Маяковского.

А. Жаров

Маяковский остается для нас живым примером боевой, патристической, поэтической работы. Маяковский остается также примером живой оазиса поэта о действительности, который многим из нас не хватает. Почему бы об этом не поговорить о пользе для дела? Но от разговора т. Фадеева польза для дела советской поэзии, для поэтических кадров, по-моему, не получилось. Тов. Фадеев выступил на дискуссии как писатель Фадеев и представитель определенного литературного направления. Это очень приятно, тем более, что т. Фадеев доказывал нам два года, что в советской литературе нет никаких направлений.

Сегодня же оказывается, что литературные направления есть. Мы и до сих пор вели спор по многим принципиальным вопросам. Только теперь т. Фадеев стал удобным создателем новых условий для некоторых спорщиков с ним товарищей: он заявил об отсутствии у этих товарищей права представлять какое бы то ни было литературное направление.

Очень ли новы эти условия, выдвинутые т. Фадеевым в дискуссии? Еще на Пушкинском пленуме он высокомерно декларировал, что ему, познавшему Фидию и Бенвенуто Челлини, даже не о чем разговаривать с нами, маленькими людьми. С тех пор много воды утекло, много событий произошло, много произведений написано, а позиция Фадеева, как видно, мало изменилась.

Разве у Маяковского была нетерпимость по отношению к поэтам, работавшим иначе, чем он сам? Маяковский хвалил светловскую «Гренаду» и другие произведения советских поэтов, хотя в «Гренаде» и ритмы галогенные, и ритмика классическая. Принципы своего направления Маяковский не выставлял, как дому.

Он не считал эти принципы обязательными для всех. Тов. Фадеев отсутствием ириятной для него формы склонен представлять, как отсутствие формы вообще. А Маяковский борел за новые формы искусства, как мы знаем, считался с возможностью существования и традиционной формы стиха, если эта форма не конфликтует с содержанием, если она доходчива до народа. Главное, что Маяковский подходил конкретно к произведениям поэзии.

Тов. Фадеев конкретно подошел только к одному Лебедеву-Кумачу и то в той мере, в какой эта конкретность могла скандализовать т. Лебедева-Кумача.

Для этого он привел несколько строк Кумача, якобы заимствованных из других авторов, и несколько бродячих образов и ритмов, которые найдутся у любого поэта.

Так, например, у Лебедева-Кумача ерифмовано «во-весь-век» и «большевик». А эта рифма была уже у Маяковского. Потом она пришла к Кумачу. Давайте судить его. А советские делатели эта же рифма пришла к Н. И. Асееву, поэма которого от этого не стала хуже, она осталась хорошей поэмой. Смотрите эту рифму в 11-й главе его поэмы «Маяковский начинается». Давайте, являть, судить и т. Асеева. Но давайте тогда судить и Пушкинчу, и Лермонтова. Лермонтов некую строчку «Влевет парю одинокий» взял у Марлинского.

Ничего не выдет из такого суда. Неудачные строчки есть у т. Лебедева-Кумача, как и у всех нас. Есть они у его судьи т. Кирсанова в большом количестве и в таком качестве, что в «Правде» недавно собрание таких строк было названо попросту «дребеденью».

Но как можно поэта всего целиком сводить к его отдельным плохим строчкам? Как можно сводить к ним Лебедева-Кумача, завоевавшего любовь и признание советского народа?

Иной масштаб и иной характер дарования Лебедева-Кумача не мешают ему по-прежнему продолжать линию Маяковского, линию поэзии, адресованной миллионным массам, перестраивающим мир. Лебедева-Кумача не принято было критиковать. Тов. Фадеев пытался его критиковать, делая первый шаг, дал образец критики. Является ли это образцом большинства критики, критики, мобилизующей роль патристического стиха, песни, ставшей бомбой и знаменем? Нет, к сожалению, не является.

О. т. Алтаузен т. Фадеев недавно не так плохо говорил, а сегодня одним вымахом, бездоказательно свелит на-нет Джека Алтаузена. Это несправедливо и неправильно. Такого рода отношение к литературным нашим кадрам не вытекает из потребности советской литературы. Товарищ Сталин не раз подавал пример требовательного, но вместе с тем и заботливого отношения к нашим писателям.

Этому примеру и надо следовать.

В. Катанян

Меня очень интересует тема этой дискуссии. Конечно, не только потому, что я являюсь автором одной из книг, которые являются обсуждаемыми. Книга эта вышла до меня не случайно. В течение десяти лет я работаю в этой области и думаю, что знаю лучше многих, как мало еще здесь сделано и как много еще нужно сделать. Все о этой теме являюсь нечуждым человеком. Удивляет по направлению, которое приняла наша дискуссия.

окого, о повстанцев, которые являются характерной и отличительной чертой его поэзии, о влиянии политической литературы на язык стиха Маяковского.

— Каждое стихотворение, — говорит т. Бромберг, — по-новому раскрывает нам Маяковского. Чтобы правильно понять эволюцию его творческого метода, нужно прежде всего понять единство этого метода в целом и различия его в определенных периоды творчества поэта. Тогда обнаружатся движущие силы, которые толкали поэта писать по-новому. Маяковский до революции, Маяковский после октября, Маяковский в период Маяковского времени Роста, поэма «Владимир Ильич Ленин», поэма «Хорошо!» — это все разные периоды творчества. Для этого содержания нашей жизни, для каждого периода в истории партии Маяковский находил новые формы его выражения.

В программе футуризма, — говорит далее т. Бромберг, — выдвинуто требование огромного волевого напряжения. Ничего нет страшного и непонятного в том, что Маяковский обратился на этот путь и был футуристом. Если существует конфликт между старой формой и новым содержанием. Именно новое содержание требовало нового выражения, ижало нового языка. И если на этом пути были сделаны ошибки, то это вполне естественно, так как огромная эта работа продолжалась небольшой группой людей. Однако в футуризме нужно было отделить положительное от того реакционного, к чему пришел футуризм после Октябрьской революции.

На этом же вечере выступили гг. А. Жаров, В. Катанян, М. Чарный, Д. Алтаузен, А. Сурков, С. Кирсанов, речи которых печатаются здесь в сокращенном виде.

ре, в какой эта конкретность могла скандализовать т. Лебедева-Кумача. Для этого он привел несколько строк Кумача, якобы заимствованных из других авторов, и несколько бродячих образов и ритмов, которые найдутся у любого поэта.

Так, например, у Лебедева-Кумача ерифмовано «во-весь-век» и «большевик». А эта рифма была уже у Маяковского. Потом она пришла к Кумачу. Давайте судить его. А советские делатели эта же рифма пришла к Н. И. Асееву, поэма которого от этого не стала хуже, она осталась хорошей поэмой. Смотрите эту рифму в 11-й главе его поэмы «Маяковский начинается». Давайте, являть, судить и т. Асеева. Но давайте тогда судить и Пушкинчу, и Лермонтова. Лермонтов некую строчку «Влевет парю одинокий» взял у Марлинского.

Ничего не выдет из такого суда. Неудачные строчки есть у т. Лебедева-Кумача, как и у всех нас. Есть они у его судьи т. Кирсанова в большом количестве и в таком качестве, что в «Правде» недавно собрание таких строк было названо попросту «дребеденью».

Но как можно поэта всего целиком сводить к его отдельным плохим строчкам? Как можно сводить к ним Лебедева-Кумача, завоевавшего любовь и признание советского народа?

Иной масштаб и иной характер дарования Лебедева-Кумача не мешают ему по-прежнему продолжать линию Маяковского, линию поэзии, адресованной миллионным массам, перестраивающим мир. Лебедева-Кумача не принято было критиковать. Тов. Фадеев пытался его критиковать, делая первый шаг, дал образец критики. Является ли это образцом большинства критики, критики, мобилизующей роль патристического стиха, песни, ставшей бомбой и знаменем? Нет, к сожалению, не является.

О. т. Алтаузен т. Фадеев недавно не так плохо говорил, а сегодня одним вымахом, бездоказательно свелит на-нет Джека Алтаузена. Это несправедливо и неправильно. Такого рода отношение к литературным нашим кадрам не вытекает из потребности советской литературы. Товарищ Сталин не раз подавал пример требовательного, но вместе с тем и заботливого отношения к нашим писателям.

Этому примеру и надо следовать.

Дж. Алтаузен

Из всех книг, посвященных Маяковскому, наиболее полно дошла до сердца читателей, завоевала любовь и признание поэма Н. И. Асеева «Маяковский начинается». Эта книга дорога читателю, потому что в ней Маяковский встает во всей своей необычной целостности, наполненной одной идеей, одной мечтой о грядущем счастье человечества. Мы знаем, что в начале творческого пути Маяковского эта идея, эта мечта звучала для него несколько неопределенно, была даже временами расплывчатой. Но совершенно прав т. Требуев, когда он утверждает, что Маяковский с первых же сознательных жизненных шагов ощутил свое революционное первородство. И именно потому, что он так быстро почувствовал свое революционное первородство, идея о грядущем счастье человечества очень скоро стала для него предметной, осязательной, реальной и выросла в самую главную линию всей его жизни и всей его поэзии.

Вот почему, когда мы говорим о раннем периоде творчества Маяковского, мы не имеем права приписывать ему все ошибки футуризма как школы. Футуристы на первом этапе своего развития вольно или невольно декларировали свою литературную беспредельность, свой разрыв с традициями классической литературы. Бурлюк в те времена говорил: «Вера и шая не было искусства, сегодня оно есть, и в это время Маяковский, который противопоставил мистическому субстантивному символизму горячий бунт социально осознанной себя личности, подхватил (в таких своих произведениях, как «Облако в штанах», «Бойна и мир», «Человек и др.) великие традиции классической поэзии. Он так же, как Пушкин, так же, как в свое время Лермонтов и Некрасов, сблизил поэзию с жизнью, превратил поэзию в оружие борьбы, адресуя каждое свое слово массовому потребителю эстетических ценностей. Маяковский революционизировал русский стих, но не так, как это хотелось футуристам, обессмысливая слово. Революционизация стиха Маяковским шла не в отрыве от традиций классической поэзии, а в развитии их. Маяковский развил заложенные в стихе Пушкина, Лермонтова, Некрасова разговорные возможности, он легализовал сотни слов народного разговорного словаря. Величие Маяковского состоит также и в том, что он, будучи поэтом безусловно трагическим, не пришел к горькой роли, а пришел к жизнеутверждению и возвышению человека, изменившего мир. И это ролик его не с Бурлюком, а с Горьким, не с Хлебниковым, а с Пушкиным.

И приняв поэму Н. И. Асеева, как крупное явление нашей советской поэзии, я вынужден присоединиться к тем товарищам, которые предупреждают Асеева в неправильности с точки зрения истории, с точки зрения поэтики, ни с точки зрения эстетики уравнение Маяковского с Хлебниковым.

Хлебников — один из самых зачтутых поэтов в русской поэзии. Он воплощен в идейном хассом и многими странностями — ордями, начиная от математически-клеку-

И напросто т. Фадеев пытался придать этому вопросу недостоиную сенсационности и тем дискредитировать популярнейшего поэта советской страны.

Два слова по личному поводу: т. Фадеев заявил, что я даже не имею права рассуждать о направлениях, что не мне с синим рылом соваться в калашный ряд, так как я двух слов грамото не связать не могу. Что касается моего неумения грамотно связать два слова, то против этого я, собственно, даже и не желаю возражать, так как подобный способ полемики есть не что иное, как желание оглулить и дискредитировать противника, чтобы иметь возможность отмахнуться от него. Это неволевым приемом, особенно для руководителя, для ответственного человека. Относительно же моего творчества, то тут есть разные мнения. Тов. Фадеев считает, что я ничего не стою, что я абсолютно не владею формой, а есть писатели, которые думают иначе. Например, о моей поэме «Обжудение героя» положительно высказались писатели разных направлений (Светлов, Луговской, Симонов, Алдаев, Лебедев-Кумач, Антокольский, Митрофанов, Сурков, Вишневский, Смяляков, Перевцев, Долматовский и другие).

Заключив свое выступление, я хочу подчеркнуть, что дискуссия о книгах, посвященных Маяковскому, могла бы принести большую пользу советской литературе, если бы с самого же начала т. Фадеев под флагом дискуссии не попытался дискредитировать поэтов, которые работают не так, как это хочется т. Фадееву.

А. Сурков

Маяковский для нас — не только предмет историко-литературного изучения, но и живой поэт, самый яркий и передовой представитель лучшего качества советской поэзии.

Маяковский — это: «Я всю свою звонкую силу поэта тебе отдаю, атакующий класс». Маяковский — это: «И песня и стих это бомба и знамя и голос певца поднимает класс и тот, кто сегодня поет не с нами, тот против нас».

Маяковский — это: «У нас поэт события берет: опишет вчерашний гуд, а надрываться в завтра, вперед, чтоб брвкн требовали в шагу».

Так понимая место и значение Маяковского для современной поэзии, я ожидаю, что в дискуссии разговор пойдет иначе, чем получилось на деле.

Мне казалось, что разговор должен был начаться с выяснения политического смысла таких явлений, как попытки выдвинуть кандидатуру Анны Ахматовой на соискание сталинской премии по поэзии или утверждение ленинградского критика Гринберга о том, что эта являе не о нами поющая» поэтесса — единственная после Маяковского выразительница чувства времени».

Мне казалось, что заметят, как в суровые зимние месяцы борьбы с бюрократизмом в ленинградских «толстых» журналах пузырилась мутная ритмическая волычка вишневского верификационизма. Мне казалось, что обратят внимание на это явление, характерное, к сожалению, не только для литераторов Ленинграда.

А вот у нас разговор, переходя на современную поэзию, миновал эти острые вопросы и сосредоточился на Лебедеве-Кумаче, Алтаузене, Жарове. Этим дискуссия была скандализована.

Это выглядит тем более странно в свете всем известных событий последнего времени, в свете тех выводов, которые надо было сделать из прошлгодичных ошибок некоторых журналов.

Но то диктовали насущные интересы народа, потребности времени и здравый политический смысл.

Вместо того, чтобы назвать своим именем всех «не с нами поющих», всех дриблосердных эпитетов, пропевавших у нас, т. Фадеев свел весь разговор к малоудачному сравнению похожих строк и образов в стихах Лебедева-Кумача, поэта, занимающего почетное место в культурной жизни страны.

Так же размышляю и распыляю т. Фадеев с Жаровым и Алтаузеном. Это не новый для т. Фадеева прием. Точно так же поступил он и в 1937 г. на Пушкинском пленуме.

И по форме и по существу высокомерные характеристики, данные т. Фадеевым Жарову и Алтаузену, неправильны.

Возьмем, к примеру, Алтаузена. У него (как почти у всех поэтов) были слабые стихи. Но разве это все, что сделал Алтаузен? Разве у него нет хороших, талантливых стихов? Разве не опубликованы он

С. Кирсанов

Тов. Фадеев поставил вопрос о направлении в советской поэзии. Выяснилось существование пока двух «направлений» — одного в составе тт. Алтаузен, Жарова, Суркова и других и второго направления поэтов «некрасовской» традиции.

Мне кажется, что главное сейчас — это избежать такого распределения писателей по направлениям по разветвке президиума ЦСН. Не направлять в «направления»! Дайте писателям самим самоопределяться в области принципов литературного мастерства. Тем более, что направление не группа, а взгляд на мастерство в сочетании с практикой.

И тогда понятно, что люди, работавшие рядом с Маяковским, не имеют преимуществ в трактовке биографии и поэзии В. Маяковского. Не одно преимущество от лекции к лекции что-нибудь людям признавать у Маяковского, исправлять грубую ошибку и в этом вопросе. Ведь если совсем недавно в книге, где собраны его статьи и речи, было сказано о «направлении» надо выкинуть из нашего обихода, так как ни о каких направлениях в литературе речи быть не может.

Объектом своей критики т. Фадеев избрал несколько поэтов, которым он даже отказал в праве на направление. Под флагом эстетики т. Фадеев попытался свести литературные счеты, причем сделал это в совершенно безответственной, недстойной форме.

В чем же дело, товарищи? Живет на нашей советской земле поэт В. И. Лебедев-Кумач. Своей работой, своим трудом, своим талантом добился т. Лебедев-Кумач любви и признания советского народа, стал одним из популярнейших поэтов нашей страны. Я понимаю и даже приветствую самую резкую критику отдельных недостатков поэзии т. Лебедева-Кумача, но критику перспективную, помогающую поэту с таким широким резонансом работы подняться на более высокую ступень поэтического мастерства. К сожалению, о критике т. Фадеева этого сказать нельзя. Она была наполнена желанием дискредитировать т. Лебедева-Кумача в глазах читателей. Для этого т. Фадеев привел несколько строк и образов, которые в какой-то степени совпадают со строчками и образами других поэтов.

Вопрос о совпадении отдельных строк и образов вовсе не является столь сенсационным, как здесь пытался изобразить т. Фадеев. И бы мог привести десятки примеров и подтверждение этого. Ну, например, в поэме «Песнь Олени» «Звонит и образ: пенек-вселенный». Потом этот образ, как вы знаете, повторился у Маяковского: «Профессор, снимите очки-ленины». В поэме Светлова «Хлеб» была такая строка: «Словно в очередь к богу, в равную лежат мертвыми». Потом эти строки почти полностью повторились у Маяковского: «Словно в очередь к богу, лежат валами безработные в одной из полей». А сколько строчек т. Лебедева-Кумача блуждал и варируется в песнях и отрядах других поэтов!

тут есть разные мнения. Тов. Фадеев считает, что я ничего не стою, что я абсолютно не владею формой, а есть писатели, которые думают иначе. Например, о моей поэме «Обжудение героя» положительно высказались писатели разных направлений (Светлов, Луговской, Симонов, Алдаев, Лебедев-Кумач, Антокольский, Митрофанов, Сурков, Вишневский, Смяляков, Перевцев, Долматовский и другие).

Заключив свое выступление, я хочу подчеркнуть, что дискуссия о книгах, посвященных Маяковскому, могла бы принести большую пользу советской литературе, если бы с самого же начала т. Фадеев под флагом дискуссии не попытался дискредитировать поэтов, которые работают не так, как это хочется т. Фадееву.

А. Сурков

Маяковский для нас — не только предмет историко-литературного изучения, но и живой поэт, самый яркий и передовой представитель лучшего качества советской поэзии.

Маяковский — это: «Я всю свою звонкую силу поэта тебе отдаю, атакующий класс». Маяковский — это: «И песня и стих это бомба и знамя и голос певца поднимает класс и тот, кто сегодня поет не с нами, тот против нас».

Маяковский — это: «У нас поэт события берет: опишет вчерашний гуд, а надрываться в завтра, вперед, чтоб брвкн требовали в шагу».

Так понимая место и значение Маяковского для современной поэзии, я ожидаю, что в дискуссии разговор пойдет иначе, чем получилось на деле.

Мне казалось, что разговор должен был начаться с выяснения политического смысла таких явлений, как попытки выдвинуть кандидатуру Анны Ахматовой на соискание сталинской премии по поэзии или утверждение ленинградского критика Гринберга о том, что эта являе не о нами поющая» поэтесса — единственная после Маяковского выразительница чувства времени».

Мне казалось, что заметят, как в суровые зимние месяцы борьбы с бюрократизмом в ленинградских «толстых» журналах пузырилась мутная ритмическая волычка вишневского верификационизма. Мне казалось, что обратят внимание на это явление, характерное, к сожалению, не только для литераторов Ленинграда.

А вот у нас разговор, переходя на современную поэзию, миновал эти острые вопросы и сосредоточился на Лебедеве-Кумаче, Алтаузене, Жарове. Этим дискуссия была скандализована.

Это выглядит тем более странно в свете всем известных событий последнего времени, в свете тех выводов, которые надо было сделать из прошлгодичных ошибок некоторых журналов.

Но то диктовали насущные интересы народа, потребности времени и здравый политический смысл.

Вместо того, чтобы назвать своим именем всех «не с нами поющих», всех дриблосердных эпитетов, пропевавших у нас, т. Фадеев свел весь разговор к малоудачному сравнению похожих строк и образов в стихах Лебедева-Кумача, поэта, занимающего почетное место в культурной жизни страны.

Так же размышляю и распыляю т. Фадеев с Жаровым и Алтаузеном. Это не новый для т. Фадеева прием. Точно так же поступил он и в 1937 г. на Пушкинском пленуме.

И по форме и по существу высокомерные характеристики, данные т. Фадеевым Жарову и Алтаузену, неправильны.

Возьмем, к примеру, Алтаузена. У него (как почти у всех поэтов) были слабые стихи. Но разве это все, что сделал Алтаузен? Разве у него нет хороших, талантливых стихов? Разве не опубликованы он

одним словом критики, и всякое критическое слово становится причиной организации «направления» гриваи. Травли всех критикующих их. Мне брошен упрек в том, что я написал на тему о нашей авиации песть ветлика. Но это упрек и колдовство, а не оценка по качеству. А я заявляю, что на наши советские темы буду писать много и еще больше, а вот вы разбирайте по существу.

Но дело не в том, что критерий качества, мерло оценок у Маяковского было другим, нежели у Суркова и его товарищей.

Все, что приближается к поэтике Маяковского, вам кажется плохим, объясняется поправлением. Поэтика Маяковского — опята! — считается отступлением от правил стихосложения, феноменальным явлением, свойственным только ему. Таким образом, Маяковский вассализировал нами, запечатан в себе и изолировал от возможности продолжения.

Все, с чем боролся Маяковский в поэзии, опята! пишню разрозлено в творчестве некоторых наших поэтов. Восстановлены «барские садоводства» в виде массы чужденских вишневских стихов, печатавшихся в наших журналах.

Безразличных к нашей действительности, к социализму, формально гусляков, написанных так, словно Маяковский и не было, словно Маяковский не писал: молотобойцев анастам

П. СУХОТИН

Исполнилось пять лет со дня смерти писателя Павла Сухотина. Перу покойного принадлежит ряд беллетристических и драматических произведений. Его книги «Лисьи норы», «Вишни для компота» и ряд рассказов и повестей, а также книги для детей, написаны прекрасным русским языком, который Сухотин, проводивший все свое детство и юность в деревне, хорошо чувствовал. Писем его — «Сказочные дурачества», «Тень освободителя», «Человеческая комедия», «В людях», «Амур в латочках» — шли в основных театрах Союза и свидетельствовали о бережном отношении к классикам (Горький, Салтыков-Щедрин, Вильямс), умело инсценированным Сухотиным. Под редакцией Сухотина вышли «Мои литературные и нравственные скитания» Аполлона Григорьева и были напечатаны в журнале «София» «Древне-русские повести».

Память о Сухотине, как о хорошем писателе и прекрасном, отзывчивом человеке, жива для всех нас.

Н. Ашукин, И. Новиков, В. Лидин, М. Цяповский, А. Толстой.

ЮБИЛЕЙ О. Ю. КОБЫЛЯНСКОЙ

В эти дни трудящиеся Советской Украины отмечают 55-летие литературной деятельности старшей украинской писательницы Ольги Юлиановны Кобылянской. Особенно широко и торжественно празднование юбилея прошло на родине писательницы в Северной Буковине.

В Черновицком городском театре состоялось торжественное юбилейное заседание. Доклад о жизненном пути и творчестве выдающейся украинской писательницы сделал т. Д. Косарик. С приветствием от Союза советских писателей Украины выступил Петро Панч. Много теплых приветствий на имя юбилея поступило также из Москвы и других городов СССР.

Не имея возможности из-за болезни присутствовать на торжественном вечере в театре, Ольга Юлиановна Кобылянская выступила перед микрофоном из своей квартиры. Писательница горячо благодарила партию и правительство за заботу и внимание, которыми она окружена. Ее выступление транслировалось по радио.

На квартире О. Ю. Кобылянской состоялась товарищеская встреча писательницы с представителями партийных и советских организаций.

Киев. (Наш корр.). За выдающиеся заслуги в области развития культуры украинского народа О. Ю. Кобылянская награждена грамотой Президиума Верховного Совета УССР.

КНИГИ

«ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ». Сборник подготавливает к изданию «История культуры» в трех томах. Более 60 авторов — историков, экономистов, литературоведов, лингвистов, искусствоведов, этнографов и ученых других отраслей знания — привлечено для работы над трехтомником. Первый том, охватывающий период от первобытного общества до средних веков, уже дан в печать.

«ВОСПОМИНАНИЯ О КАМНЕ». Гослитиздат выпустил книгу академика А. Е. Фермана «Воспоминания о камне». «Воспоминания о камне» — пишет академик Ферман в предисловии, — история целой жизни, история своеобразной любви к природе, искания разгадки природных тайн в течение почти 50 лет. Автор рассказывает о своих научных экспедициях и встречах.

«ВОЯНА И МИР» НА ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ. Издательство «Федерация» в Тбилиси выпускает в свет первый том «Войны и мира» в переводе Илья Агаладзе. Остальные три тома выйдут в течение 1941 года. Первому тому предпослана статья критика А. Гапарелиа о жизни и творчестве Л. Н. Толстого.

«ПЕСНИ И ДУМЫ». Под таким названием Гослитиздат выпускает сборник произведений современных поэтов Болгарии. В книге представлены творчество десяти крупнейших болгарских поэтов: Людмила Стоянова, Ангела Толорова, Николая Ланкова, Христо Смирненского, Мария Грушевичева, Крума Ценева, Камела Зиларова, Богомила Райнова, Пангелета Матеева и Венко Марковскова.

«РУССКИЕ САТИРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ». Выпускаемая учебно-педагогическим издательством «Хрестоматия» «Русские сатирические журналы XVIII века» освещает все наиболее интересные моменты борьбы передовой русской журналистики с самодержавием. В книге помещены избранные статьи и отрывки из сатирических журналов XVIII столетия: «Всякой всащани», «Трутья», «Алской почты», «Ни то, ни се», «И то и се», «Живописца», «Почты духова», «Смесь», «Зрителя» и «С.-Петербургского Меркурия».

Неотложные задачи драматургии

Беседа с К. А. Треневым

Существовавшая свыше года при Президиуме ССП СССР Всесоюзная комиссия по драматургии, театру и кино, куда входили драматурги, критики, представители театров и Комитета по делам искусств, в силу громадности своей структуры не успевала за насущными задачами драматургии, выдвигаемыми самой жизнью. Секретариат комиссии, оторванный от Президиума ССП, проходил мимо больших конкретных как положительных, так и отрицательных явлений в искусстве. Совсем не работала и созданная параллельно комиссии секция московских драматургов при клубе писателей. При создавшемся положении Президиум ССП расформировал Всесоюзную комиссию, взяв на себя руководство всеми принципиальными творческими вопросами. Для непосредственной работы по драматургии выделены члены Президиума К. А. Тренев и В. И. Лебедев-Кумач (малые формы) и киноактер А. Я. Каллер (кино).

Основная задача, стоящая сейчас перед драматургией, Комитетом по делам искусств и театрами, — сказал в беседе с сотрудником «Литературной газеты» К. А. Тренев, — это планомерное создание советского репертуара, достойного нашей эпохи. Советский театр не может существовать без подлинно талантливых драматургических произведений, раскрывающих положительные явления жизни страны, рисующих героев, передовых людей социалистического общества. Нам нужны национальные патристические пьесы. Между тем наша драматургия по своему идейному и художественному уровню еще не отвечает тем большим общесоюзным задачам, которые решают наша партия, правительство и весь советский народ.

Отсутствие руководства и помощи авторов привело к тому, что драматурги были разобщены, работали в отрыве от жизни. Такая изолированность для советского драматурга не может пройти безнаказанно. Она и была главной причиной тех творческих кризисов, которые наблюдались за последние время у отдельных драматургов.

Для того, чтобы помочь драматургам была реальной, нужно прежде всего хорошо знать, что над чем работает, какие вопросы их волнуют. Создание настоящей творческой атмосферы, серьезная культурная работа среди драматургов возложена пока на московскую секцию драматургов. Помимо писательской общественности руководство и помощь драматургам должен оказывать Комитет по делам искусств при СНК СССР, который теперь будет вести с авторами более организованную и планомерную работу. Вместе с представителями драматургов Комитет выработает условия, на которых в ближайшее время он начнет составлять договоры с отдельными авторами, уточняясь теми их работ и обуславливая в дальнейшем постоянный творческий контакт.

Подобные договорные отношения создают необходимые для творческой работы материальные условия, одновременно возлагая на автора серьезные обязательства. Советский театр заинтересован в хороших пьесах не меньше, чем сами авторы. Поэтому система договорных отношений не только не исключает, но и подразумевает тесное сотрудничество драматургов с театрами, которые также будут договариваться с авторами о пьесах и постановках.

В парторганизации ССП СССР

На общем собрании партийной организации ССП было рассмотрено заявление писателя П. Г. Скокряева о приеме его в кандидаты ВКП(б). Тов. Скокряев принят в кандидаты ВКП(б). На этом же собрании молодая поэтесса, кандидат ВКП(б) Е. В. Шевелова принята в члены ВКП(б).

Поэты на курсах-конференции

За две недели работы курсов-конференции писателей, живущих в областях и краях РСФСР, наряду с прозаическими произведениями, обсуждалось творчество поэтов П. Хромова, Б. Джигур, П. Кустова, А. Исакова, П. Комарова, В. Завладорова, И. Музичева и М. Лисянского. Строгая товарищеская критика, по признанию поэтов, помогла им полнее осознать свои недостатки. Волнованный критическими выступлениями московских поэтов, П. Кустов горячо благодарил их за помощь и совет. — Та письменная связь, — не без горечи сказал он, — которую пытаешься установить с консульствами и журналами, — ничего не дает, а только вбивает в колени, потому что в редакциях стихи находятся по пять-шесть месяцев, и нередко получаешь разрозненные, а порой и совсем неразумные ответы.

На конкретном анализе произведений поэтов происходил подлинно творческий обмен мнениями, касающийся общих проблем советской поэзии. Молодой еще поэт Павел Кустов (с Череповца, Вологодской области) начал печататься в литературной стране («Комсомольская правда») и в московских журналах около 15 лет назад. — Он привлек тогда внимание, — вспоминает И. Уткин, — своим светлым голодом, непосредственностью, которые сказались в его стихах. В них чувствовался поэтический вкус и желание осмыслить действительность. Впоследствии стихи были окружены в обороте «Навью», изданном «Молодой гвардией» 10 лет назад. В этой книжке, по мнению А. Кова-

ленкова, автор только нащупывал те мотивы, которые были ему близки. На первых стихах заметны следы самых разнообразных влияний — от Безымянского до Ушакова. Ради ритма и ритма автор допускал ошибки в ударениях и явные погрешности против синтаксиса. Последние стихи П. Кустова стали более прозрачными и непринужденными, приемы более уверенными, но вместе с тем бледнее индивидуальные черты его творческого лица. Лучшим стихотворением П. Кустова т. И. Уткин, М. Алигер, А. Тарасенков и А. Коваленков считают «На красном дереве не так видна резьба». В нем выступает живой образ мастера-полукрестянина, полуремесленника. П. Кустов достиг того, к чему стремился долгое время, — он сумел опознать свой труд. В последних стихах П. Кустова уже ярко выражена тенденция к наболевшим темам — описанию деревенской природы, ремесла, труда. Но в этом стремлении к аналогии, органической теме таится недостаток автора — он как бы сознательно ограничивает свой кругозор. И. Уткин и С. Шнепов указали т. Кустову на существенный недостаток его последних произведений: ритмическое однообразие их, растянута, рыхлость композиции. А. Коваленков находит в последних стихах Кустова оптимистический холодок и отсутствие внутренней страстности, драматизма. В творчестве поэта А. Исакова лучшим является его казачьи песни. Они идут от фольклора, от народной поэзии. Анализируя песенный раздел вышедшего три года назад сборника Исакова, А. Сурков отметил «Казачью думу о Сталине», «Казачку» и ряд других интересных песен, удавшихся автору и широко известных. К недостаткам песен

т. Сурков относит их некоторую однородность, однообразие тональности. — Когда читаешь сборник, — говорит т. Сурков, — создается впечатление, будто все это сильно разнующиеся варианты небольшого числа песен. Незаметна в песнях работа автора над словом, язык бледен, сплошь и рядом встречаются длинноты, повторяются одни и те же эпитеты и образы. Многие стихи Исакова, по признанию А. Суркова, А. Коваленкова, М. Матусовского, И. Уткина и Олени-Гнененко, слабы прежде всего. В них немало даже грамматических погрешностей. Автору предстоит еще большая работа над повышением своего культурного уровня и творческим освоением классического наследия. Московские поэты рекомендовали А. Исакову больше работать над песней. В. Джигур (Свердловск) — хмык по образованию и автор нескольких печатных научных работ, вот уже пять лет серьезно занимается поэзией. По общему признанию писателей, участвовавших в обсуждении творчества Б. Джигур, ей больше удаются стихи лирические. В них поэт находит и настоящие поэтические интонации, и более точные эпитеты, и выразительные образы. Значительно слабее те стихи, в которых автор уходит от лирики и старается опознать свою профессию, но существует только зарифмовывает известные научные положения. По мнению выступавших, Б. Джигур несомненно интересен и одаренный поэт, но она находится еще на самых первых ступенях мастерства. В творчестве Джигур чувствуются различные литературные влияния и школы, не преодоленные поэтом.

Общая оценка творчества и подробный технологический анализ отдельных стихов показал т. Джигур, в чем ее сила, в какой слабости и в каком направлении должны идти ее дальнейшие творческие поиски.

Театр для детей

Около августа শেষ, почти 16 тысяч спектаклей, показанных в 1939 г. детям семьдесят советских театров юного артиста. Десять миллионов ребят посетили спектакли ТЮЗ.

Эти интересные цифры сообщил т. Серин (Главное управление театров) Всесоюзной конференции работников театров для детей, открывшейся 25 ноября в Москве.

— Всем известно, какую роль играет театр в формировании детского сознания, — говорит т. Серин. — Поэтому мы придаем такое огромное значение выбору репертуара и художественной значимости спектаклей. Детские театры должны проявлять большой педагогический такт не только в выборе пьес, но и в сценической их трактовке.

Слабым местом все еще остается детская драматургия. Классические пьесы, инсценировки и сказки попрежнему занимают главное место в репертуаре ТЮЗ (до 70 проц.). Правда, еще в 1937 г. из 30 детских театров 30 вовсе не ставили пьес на современные темы. Значит, у нас есть некоторый сдвиг, но бесспорно еще не достаточный.

За последние годы репертуар детских театров обогатился национальной драматургией. Лучшее из 80 пьес национальных драматургов, которые сегодня ставятся на сценах областных ТЮЗ, должны войти в репертуар всех детских театров Союза.

С большим интересом прослушала конференция доклад А. Бруштейн «Драматургия театров для детей».

Смотр показал, что наши детские театры значительно выросли, что в ТЮЗ пришли новые талантливые драматурги и режиссеры. На сценах ТЮЗ появились прекрасные сказки — Светлова, Шварца, непохожие исторические пьесы. И все же репертуар детских театров не удовлетворяет зрителя. Совсем нет пьес на оборонные темы, о колхозном деревне, о героизме, о пьесе о современном мире, мало и далеко не все они хороши. Некоторые детские драматурги забывают, что изложение фактов, даже достоверных, не есть еще правдивый показ советской действительности.

Много внимания т. Бруштейн уделила вопросам жанра и репертуара.

В прениях выступили т. Ребров (ПК ВЛКСМ), М. Кропачева (педагог, депутат Верховного Совета РСФСР), А. А. Брянецкий (Ленинградский ТЮЗ), М. Талаевский (Киевский ТЮЗ), И. С. Дева (Архангельский ТЮЗ), Евгений Шварц, С. Цимбал, Д. Тальников, В. Зон (Новый ТЮЗ), Р. Суслатов, Макарьев (Ленинградский ТЮЗ) и другие.

«Вийснурк»

Вышла третья книга эстонского литературно-художественного журнала «Vihur» («Вийснурк»). Номер открывается статьей А. Сисакса о годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Несколько статей посвящено искусству. Юлий Гене, знакомя эстонского читателя с творчеством И. Е. Репина, приводит свои воспоминания о великом русском художнике. Взгляды Репина на искусство — тема статьи И. Каспер. Эстонскому художнику Яну Коорт посвящена статья Вилле Раама.

Почти половина номера отведена художественной литературе. Публикуется большая новелла Августа Якобсона «Оскар Тийтус переступает через порог». Разнообразен отдел поэзии. Здесь напечатаны стихи о прошлом Лены Паркер, сатирические стихи Вальмара Адамса, которые автор не имел возможности напечатать при буржуазном режиме, новые произведения Хуго Ангервакса и Айры Каал, эпиграммы Минни Раудсени.

В статье Гаральда Парреста о «Джангеле» калмыцкий народный эпос сравнивается с эстонским народным эпосом «Калевипоэг». Автор указывает, что в них встречаются подчас весьма схожие элементы.

В номере помещено также несколько публицистических статей, письма читателей и т. п.

ПО СЛЕДАМ НАШИХ МАТЕРИАЛОВ

В № 52 «Литературной газеты» была опубликована заметка «Усадьба «Мцыри» разрушается». В ней говорилось о том, что находившаяся в ведении санитарного треста усадьба «Мцыри», где в пору своей юности М. Ю. Лермонтов создал многие свои произведения, находится в запущенном состоянии и разрушается.

В связи с опубликованием этой заметки, Главное управление курортов и санаториев Наркомздрава СССР сообщает, что усадьба «Мцыри» в 1941 году будет капитально отремонтирована.

В обсуждении творчества Джигур приняли участие т. Цвелев, Павлович, Неводов, Тальник, Коваленков, Алигер, Валечкин, Комаров, Подобедов и Левин. К сожалению, на обсуждении не присутствовала знакомая с творчеством Джигур Вера Инбер, которой в противоположность всем выступавшим, больше нравятся «научные» стихи. В Инбер считает, что именно такие стихотворения, как «Деление клетчат», «Рождение земли» и др., сообщают значительное своеобразие творчеству молодого поэта.

Тов. Хромов пишет уже пятнадцать лет, он начал со стихов, писал их лет шесть, а в последние три-четыре года снова вернулся к поэзии, параллельно работая над романом о летчиках. По мнению т. Олени-Гнененко, хорошо знающего творчество П. Хромова, поэт за последние годы добился значительных успехов. По сравнению с прежними стихами последних лет написаны более естественные и строгие. П. Хромов — способный поэт, ему свойственна очень приятная тонкая лирическая интонация. Однако, по общему мнению, ему не хватает поэтической точности выражения своих мыслей. В его стихах много свежести, но еще нет своего видения мира.

В них видны творческие искания, есть немало удачных поэтических строки, но говорить о П. Хромова, как о сложившемся поэте, еще рано. Многие стихи в композиционном отношении ритмы и наряду с удачными попадаются также слабые, как «Дума о шапке», которая была оценена всеми резко отрицательно. Даже удачные стихотворения вызывают некоторую неудовлетворенность своей внешней приглядностью. Лучше, если бы, создавая поэту были, пусть удачные, шероховатые, но более острые и индивидуальные-кривые вещи. О творчестве П. Хромова высказались т. Олени-Гнененко В. Инбер, М. Матусовский, Д. Даниэ, А. Лейтес и В. Шевелов. П. Г.

М. Н. ДАНИЭЛЬ

Еврейский советский писатель М. Даниэль пришел в литературу в годы гражданской войны. Он получил с самых юных лет закалку, которая давала жизнь в сырых подвалах без воздуха и света, в атмосфере, пропитанной легендарными подвигами 1905 г., в той атмосфере, которую писатель с большой теплотой изобразил в своей повести «Мое золотое детство».

Даниэль был писателем-романтиком. Первые же его произведения были полны революционного беспокойства и пафоса бурных незабываемых дней творческой радости и побед. «Быт» теплушек на заброшенных станциях накануне и в начале революции изображен у Даниэля ярко и своеобразно. Изображены беззащитные жертвы империалистической войны, голодных, тифозных, тнувшихся неизвестно куда и зачем, нашли свое художественное воплощение в одном из лучших рассказов Даниэля «Моя первая любовь». В этом рассказе чувствуется горечь оплывавшей в грязных теплушках юности, протест против морального разложения, которое принесла с собой империалистическая война, и острая ненависть к разным «благодетелям» народа, навязавшимся на войне и втаптывающим в грязь человеческое достоинство.

В произведениях Даниэля о гражданской войне наша отражение героика революции. Это героика Даниэля воплотил в романе «Юлиус». Романтическая любовь между Анной Богданович и Людвигом Януковским, которая зародилась в царской тюрьме, волнует читателя своей большой человечностью.

Большое место в произведениях Даниэля занимает молодежь. Писатель часто любит рассказывать о своей встрече в 1920 г. с сапожником-помастерем, совсем еще мальчиком, в красноармейской, но по росту, ширине, в буденовке и в больших сапогах. Этот подросток-красноармеец, названный Даниэлем Зямка Колач, стал героем нескольких его произведений (рассказ «На седьмой линии», «Юлиус» и пьеса «Хлопчик»). Это трагический образ одного из тех юношей, которые, сжимая в своих еще не окрепших детских руках винтовку, «доблестно

М. Н. ДАНИЭЛЬ

мон Маймон» — вещь глубоко поэтическая, это повесть о победе человеческого разума над мракобесием, о вечном стремлении человека к познанию мира, о дерзновенной человеческой мысли. Солломон Маймон, в прошлом бедный еврейский кормач, посмеиваясь сказать свое слово в философии, черпает силы для своей борьбы в сочувствии и поддержке простых людей из народа, которые с большим мастерством изображены в пьесе Даниэля, «Юлиус».

В своих пьесах «Юлиус», «Хлопчик», «Наобработатель и комедант» и «Соломон Маймон» Даниэль обнаружил способность к интересной творческой выдумке, подлинную одаренность драматурга.

М. Даниэль умер сорока лет от роду, полный творческих замыслов. Даже в санатории, прикованный к постели тяжелой болезнью, он написал ряд рассказов. Писатель, всегда искавший новые изобразительные средства для художественного воплощения своих чувств и мыслей, мог бы еще очень много сказать советскому читателю.

Р. РУБИНА.

Пятидесятилетие

Б. В. Томашевского

Из писем читателей и от наших корреспондентов

29 ноября исполнилось 50-летие Б. В. Томашевского, крупнейшего ученого, литературоведа, одного из основоположников советской науки о Пушкине. Его заслуги в научении жизни и творчества Пушкина огромны велики. Результаты его работ отражены в редактированном им отомоме сочинений Пушкина, который стал достоянием миллионов читателей нашей страны.

Б. В. Томашевский — глубокий знаток французской классической литературы, давний ценнейшую работу, в которой он исследует связи Пушкина с французской культурой.

К дню рождения Б. В. Томашевского Пушкинская комиссия Союза писателей отравила ему телеграмму, в которой говорится:

«Глубокоуважаемый Борис Викторович! В день вашего 50-летия Пушкинская комиссия Союза советских писателей приветствует вас, большого ученого, автора ценнейшей работ, сделавшего так много в научении Пушкина».

Художественное оформление книги

Небольшая выставка — всего несколько витрин. В них — книги и иллюстрации к ним. С гордостью за марку советского издательства смотрю на одомощенный Маяковского, «Кренинские» А. Франса или «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели в переплете под замку, на «Джангар», оформленный бригадой под руководством художника Фаворского, и другие. И тут же рядом — книги в сырых, невзрачных переплетах, оформленные безвкусно. Эта небольшая выставка организатора Гослитиздатом в состоявшемся на днях совещании по художественному оформлению книги.

Как известно, в план Гослитиздата включается много книг, выпускаемых массовыми тиражами — 50, 100, 200 и даже 300 тысяч экз. В связи с этим, естественно, приобретает особую важное значение оформление книги: переплет, иллюстрация, заставки и т. д. Но именно массовая книга оформляется очень плохо. Ужором издается и художникам могут служить «Тарае Бульба» Н. Гоголя, «Танкер «Дербент» Ю. Крымова, «Хозяин трех гор» В. Ковалевского, как и многие другие. Ничего не говорящий орнамент, раздражающее глазу безвкусное сочетание красок, алпаповат переплет, особенно на книгах авторов братских республик.

Каждое бы, материал выставки давал достаточно тем для большого серьезного разговора. Но этого не случилось. На совещании не было писателей, но непонятным причинам не были приглашены основные потребители книг — работники библиотек, актив читателей, с которыми связано издательство, т. е. не было тех, кто мог бы от имени широкой общественности сказать издательству, чего требует читатель от художников. Поэтому, вместо творческой беседы, получилось узкое производственное совещание художников и работников издательства. Разговор, хотя и небезынтересный, был ограничен кругом чисто профессиональных вопросов, интересующих только специалистов.

Закрывая заседание, тов. П. Чагин выразил надежду, что на будущих встречах художников с писателями будет высказано больше критических замечаний, которые помогут поднять культуру книги, особенно массовой.

Б. БОРИСОВ.

ПО СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ

Из писем читателей и от наших корреспондентов

ОМСК. Открыт горьковский лекторий. На первой лекции — «Ранний Горький» присутствовало много студентов, учителей, журналистов. В ближайшее время будут прочтены лекции на темы: «Горький и революция 1905 года», «Горький и классическое наследство».

Киев. Научная общественность Украины отмечает в эти дни сорокалетний юбилей научно-педагогической деятельности профессора древней русской литературы Киевского университета, члена-корреспондента Академии наук УССР Сергея Ивановича Маслова. Он написал до 75 работ, из которых свыше 50 напечатаны.

М. Густавцев. ГОРЬКИЙ. Дом художественного воспитания детей объявил среди школьников областной конкурс на лучшую иллюстрацию к произведениям М. Ю. Лермонтова, на лучший школьный литературный журнал и сценарий.

Письмо в редакцию

В недавнем вышедшем XI томе «Литературной энциклопедии» среди других статей о писателях помещена также заметка об одном из крупнейших еврейских советских поэтов И. Фелера, подписанная неким И. Н.

Автор этой заметки обнаруживает слабую осведомленность в творчестве И. Фелера, одного из любимых современных еврейских поэтов. Произведения И. Фелера широко знакомы читателям. Песни поэта поэт и читают в народе, звучат в школах не только в пределах СССР. Как далеко заходит эта «осведомленность», можно судить по тому, что поэма «Платье» на тему о Донбассе автором заметки отмечается, как поэма о Днепрострое. О Днепрострое И. Фелер написал поэму по «Платьям» она ничего общего не имеет. Поэма о Днепрострое принадлежит вниманию Эльзара Ватрицкого, перешедшего значительную часть ее на русский язык. Книга поэта «Большие граниты» отмечена, как «Гранит», притом неверно изложена идея произведения.

Тенденциозность заметки выпячивает тот бы из того, что о поэте, давшем около 80 отдельных сборников стихов на еврейском языке (есть переводы на украинский и русский языки), о творчестве которого имеются десятки статей, нет ни одной строчки библиографии. Неужели И. Нуоноин, один из редакторов «Литературной энциклопедии», который прерогатив осведомлен о творчестве И. Фелера, согласился с этим безответственным информатором И. Н., глубоко неуважающим не только поэта, но и читателей...

Мы возмущены таким фактом и обращаем внимание литературной общественности на это недопустимое явление. М. Рыльский, Л. Первомайский, Ю. Яновский, Д. Гофштейн, Л. Резник, Ф. Сито, А. Наган, А. Гонтарь, Г. Поляккер, Д. Волпенштейн, М. Талапаевский.

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛЮШИЦ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

Президиум Союза советских писателей, Бюро секции еврейских писателей и Бюро драматической и глубокой сценарий сообщают о смерти члена Союза советских писателей товарища М. ДАНИЭЛЯ, последовавшей в Ялт после тяжелой болезни.

Тело прибудет на Курский вокзал 2/ХП, в 9 ч. 30 м. утра. Траурное собрание — в зале ССП (ул. Воробьего, 52) в 4 ч. 30 м. Кремация — в 7 ч. 30 м.